

К 135-летию
Бориса
Пастернака

ПАСТЕРНАК. НЭБОЖИТЕЛЬ

Когда Сталину доложили об очередной выходке Пастернака, который не стал подписывать какое-то требующее казней письмо, то лучший друг советских писателей усмехнулся: «Оставьте этого нэбожителя!»

Рассказывают, что из Пастернака думали сделать лучшего советского поэта, но потом Сталину попало на глаза письмо Лили Брик, и лучшим советским поэтом был объявлен Маяковский, стихи которого, по замечанию Пастернака, насаждали, как картофель при Екатерине. Но Маяковскому было легче, в сознании читателей он разделился на двух поэтов: на Маяковского «Стихов о советском паспорте» и на Маяковского — автора «Облака в штанах». Первого заучивали наизусть, второго вдумчиво читали в школе. С Пастернаком такой фокус бы не прошёл, он был единый и неделимый.

В юности Пастернак упал с лошади и сильно поломался. Нога срослась неправильно.

Пастернак всю жизнь прихрамывал, но не как лорд Байрон.

Нам уже трудно понять, как много в начале века значил Скрябин, как звучала его музыка. Леонид Пастернак был знаком со Скрябиным, и юному Борису было с кем посоветоваться о своём композиторском будущем. И только чрезмерная требовательность Пастернака к самому себе — он переживал из-за отсутствия абсолютного слуха — не позволила этому будущему состояться.

Такое ощущение, что Маяковский Пастернака привечал, но близко не подпускал. И тяготение раннего Пастернака к футуристам было каким-то странным, ненужным.

В беседе с Исайей Берлиным Пастернак жестко и точно определил поэзию Маяковского: «Совершенно непереносим этот крик: он раздувал свой талант, мучил и тискал его как только мог, пока он, наконец, не лопнул: грустные обрывки этого цветного воздушного шари-

ка до сих пор валяются под ногами у каждого русского человека».

Голос Пастернака широко и гнусаво гудел над русской литературой, не всегда внятно, но всегда, по сути, верно.

Евгений Рейн пришёл в гости к Пастернаку и был поражен, услышав, как тот говорит: «польта». А ведь зря поражался — если бы лучше знал стихи Пастернака, то вспомнил бы:

*Кольты прочь,
Польта на пол...*

«Его речь зачастую перехлёстывала берега грамматической правильности», — как деликатно заметил Исайя Берлин.

Ахматова называла роман «Доктор Живаго» гениальной неудачей. Много ли произведений, которые достойны такой характеристики.

Если рассматривать текст как классический роман, то это скорее неудача; если прозаическую часть рассматривать как своего рода комментарий к стихам последней главы, то это гениальное произведение, что-то вроде дантовской «Новой жизни».

Умные люди говорили: да напечатайте вы роман в Советском Союзе, народ прочитает и ничего не поймёт, только пожмёт плечами и не вынесет ничего ни советского, ни антисоветского. Но если бы в стране решали умные люди, то не было бы вообще никакого Советского Союза.

Исайя Берлин вспоминал, что Пастернак никогда не говорил «Советский Союз», только «Россия».

Аджубей писал, что Хрущёв потом сожалел, что не разрешили печатать роман.

Когда Мандельштам поселился в кооперативном писательском доме, то, придя к нему в гости, Пастернак с уважением сказал: «Хорошая квартира, в ней можно стихи писать». Трудно было найти формулировку, более чуждую для безбытного, непритязательного Мандельштама.

Пастернак — самый дачный поэт в русской литературе. Ему хотелось быть не первым советским, а первым переделкинским поэтом.

«Кто-то сказал однажды, что есть поэты, которые поэты только тогда, когда пишут стихи, а когда пишут прозу, становятся прозаиками, а есть поэты, остающиеся поэтами всегда, что бы они ни писали», — писал Исайя Берлин в своих воспоминаниях о Пастернаке. Пастернак был поэтом во всём, что он писал, а прозе это вредит.

Ахматова считала, что основным личным качеством поэта является бестактность, чему приводила яркие примеры из пушкинской биографии. Пастернак был бестактен в каком-то гомерическом масштабе. Чего только стоит попытка поговорить со Сталиным о жизни и смерти. Или ещё: после длительного эпистолярного романа с Цветаевой, когда они наконец-то встретились в Париже, то таскались по магазинам, чтобы примерять на неё платья для Зинаиды Николаевны.

Зинаида Николаевна — жена.

Чуковский вспоминал, как в 1936 году они с Пастернаком были на каком-то комсомольском мероприятии, где выступал Сталин. Был общий восторг, общее беснование, которое не оставило в стороне и писателей, они были просто в отчаянии, когда некто Демченко стала разговаривать со Сталиным. «Пастернак шептал мне все время о нём (о Сталине) восторженные слова, а я — ему, и оба мы в один голос сказали: "Ах, эта Демченко заслоняет его!"», «Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью...»

Перед эвакуацией Пастернак дал Цветаевой верёвку, чтобы перевязывать чемоданы. «Хорошая верёвка, крепкая, повеситься можно», — уверял он Цветаеву. Пастернак был уверен, что Цветаева повесилась именно на этой верёвке.

*Он гнул своё, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб*

*Дышал полётом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.*

Во всей обширной лениниане русских частушек нет ничего смешнее этих строк.

На Антифашистском Конгрессе в Париже Пастернак говорил: «Не организуйтесь! Организация — это смерть искусства. Важна только личная независимость». Есть воспоминания, как в конце войны Пастернак, мечтая о послаблениях режима, говорил, что после победы упразднят Союз писателей — так крестьяне мечтали, что в благодарность за самопожертвование Сталин распустит колхозы.

Союз писателей существует до сих пор. Мало того, оказавшись в ситуации относительной свободы, писатели ринулись создавать дополнительные союзы и союзики.

Победа в войне должна была, по мысли Пастернака, совершить то, что не смогла Революция — преобразовать и освободить Россию.

Когда очередной дурак-начальник начинал упрекать или поучать Пастернака, как писать, он ненадолго задумывался, а потом, как бы припоминая, соглашался: «Да, да, вы правы, то же самое мне говорил ещё ваш Троцкий». Начальник бледнел от страха.

Ахматова сказала, что Пастернаку можно поставить твёрдую четвёрку за разговор со Сталиным. Интересно, какую оценку мог бы поставить себе Сталин, который большинства пастернаковских слов, видимо, просто не понял.

Арсений Тарковский и Пастернак были привлечены к переводам стихов Сталина для сборника, издание которого готовилось к 70-летию автора. Вероятно, книга должна была стать подарком, но Сталин вовремя узнал и издание не состоялось.

Пастернак хотел жить спокойной жизнью, но лучше всего ощущал себя во время потрясений. «Рак при варке хорошеет». Начавшаяся война отвлекла Пастернака от личных проблем и взбодрила дух.

Принято высокомерно трактовать военные стихи Пастернака. А зря. Что-то существенное в рассказ русской поэзии о войне они добавили. Свидетельство человека, которому война абсолютно противопоказана.

*Это рвутся
Суставы
Династии данных
Присяг.*

Пастернака давно тянуло к историческому эпосу — поэма «1905 год», к бытовому сюжетному повествованию — «Спекторский», к соединению этих жанров — «Лейтенант Шмидт». Пастернак — когда надо — чувствовал время, знал эпоху и готовился стать её летописцем.

А когда было не надо, спрашивал, какое у нас тысячелетие на дворе.

«Раньше нами правил безумец и убийца, а теперь — дурак и свинья». Вся беда Хрущёва — что он сразу предстал перед зрителями в своем настоящем, естественном виде, а для того, чтобы понять Сталина, надо было постараться, приложить усилия.

Безумец понимал, кто такой Пастернак, дурак — нет.

Писать роман «Доктор Живаго» было для Пастернака чистой радостью. Он почти физически ощущал новую дистанцию, которую надо было одолеть.

Когда русский писатель начинает писать свой главный роман, opus magnum, то непременно рядом вьётся тень Гоголя и зудит: «Сожги! Сожги!» Тем более опасно, когда писатель ставит перед собой задачу не хуже гоголевской — написать роман, в котором будет сказано всё обо всём и который будет доступен каждому. «...Это будет моё последнее слово, моё самое важное слово миру», — заявил Пастернак в беседе с Исайей Берлиным.

Пастернаку удалось дописать роман, неудача ожидала его потом.

Пастернак в романе писал о революции и революционерах куда лучше, чем они заслу-

живали. Он не был самоубийцей. Советская власть не поняла комплиментарности текста.

Пастернак был ярким патриотом с явным интересом к славянофильской традиции.

Нобелевский комитет несколько раз порывался присудить Пастернаку премию, но без прозы заслуги одного из лучших русских поэтов казались недостаточно весомыми.

*Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.*

*И через много-много лет
Твой голос вновь меня тревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.*

Пастернак был наихристианнейшим поэтом Серебряного века. Его православие, естественно, не было наследственным, но было естественным. Никаких перехлёстов, так обычных для неофитов. Ровный, спокойный свет истины.

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.*

Если бы не был написан роман, то место Пастернака в мировой литературе изменилось бы.

А в русской? Стихи Юрия Живаго — лучшее, что написано Пастернаком. Но могли бы эти стихи появиться сами по себе, без романа?

«Август» — лучшее из стихов Юрия Живаго.

Публикация романа состоялась благодаря интригам и взаимному недоверию коммунистов различных стран друг к другу. Такой вот Интернационал.

*Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдётся ль наконец вам воплощенье
Или остыл мой молодой задор?*

Если для Шекспира Пастернак был более или менее адекватным переводчиком, то для Гёте он был сотоварищем. «Я попробовал заставить Шекспира работать на меня, но не вышло», — заметил Пастернак, а с Гёте всё получилось, работал как миленький в поте лица. Пастернак, когда писал «Фауста», был свободен от внутренней цензуры, от собственного прошлого, от ужасного настоящего, был свободен, как не получалось, когда писал только своё, без дружеского расположения и помощи Гёте.

«Фауст» Бориса Пастернака — это уникальное произведение, имеющее аналоги в мировой литературе, особенно в немецкой.

«Фауст», а вовсе не «Доктор Живаго» — пастернаковский *opus magnum*, но читатели хотят текстов на злобу дня, а текстов со скандальной репутацией — особенно.

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать эти строки.

Для Пастернака было непонятно, зачем нужно оставаться евреем, если можно ассимилироваться и разделить труды и дни со всем человечеством.

После одного из «Русских маршей» участники устроили пожар и взрыв на могиле Пастернака, эти фашиствующие молодчики понимали, что еврей всегда останется евреем.

«Мы поимённо вспомним тех, кто поднял руку», — пел Галич. В итоге из тех, кто поднял руку, мы помним одного Бориса Слуцкого, для которого то голосование стало чуть ли не большей трагедией, чем для самого Пастернака.

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора —
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.*

Последнее слово Пастернака перед смертью было: «Рад!» И ещё он говорил, что умирать не страшно, потому что он высказал всё, что должен был.

Или его последними словами были такие, обращенные к жене: «Я очень любил жизнь и тебя, но расстаюсь без всякой жалости: кругом слишком много пошлости — не только у нас, но и во всем мире. С этим я все равно не примирюсь».

В короткое слово «рад» верится больше.

Слишком много Пастернак думал о «них», боялся, как бы не подумали, что он продался, стал партийным — пусть не ради себя, а ради свободы любимых. Но признать окончательную правду о стране и о «них» Пастернак то ли не мог, то ли не хотел. Слишком от многого написанного пришлось бы отречься.

«А ведь главное — Россия и социализм», — сказал Пастернак Куме Иванову, и это страшно. Нельзя представить, чтобы такое сказала Ахматова, а Мандельштам, если бы и сказал, то столько бы наговорил вокруг да около, что стало бы понятно, что он это всё не о том.

А Пастернак уступил, поддался духу века. И много ли радости, что с оговорками и большими оговорками. Так что, когда на похоронах Зинаида Николаевна хотела сказать: «Прощай, настоящий большой коммунист, ты своей жиз-

нью доказывал, что достоин этого звания», — она, может быть, была не так уж неправа. Хорошо, конечно, что промолчала.

Всё же Пастернак стал лучшим советским поэтом. Во всяком случае, для той прослойки, которая воспринимала коммунистический проект всерьёз — для русской интеллигенции. Сборники по-настоящему великого поэта разместились на книжной полке рядом с произведениями братьев Стругацких.

Дмитрий Владимирович АНИКИН

родился в 1972 году в Москве.

Лауреат конкурса «Золотое перо Руси».

Шорт-лист конкурсов «MyPrize 2024»,

«Мыслящий тростник».

Автор книг «Повести в стихах»,

«Сказки с другой стороны», «Нечетные сказки».

